

Плутарх О Е в Дельфах filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плутарх О Е в Дельфах

Мне встретились недавно, дорогой Серапион, [1 – Серапион – афинский поэт, фигурирует в «Застольных вопросах» и в диалоге «О том, что пифия более не прорицает стихами»; в последнем он показан как сочинитель морализа-торско – философских поэм и как защитник истинности предсказаний против скептицизма. Строгость его литературного вкуса, вера в Провидение, суровость морали и рассуждения о значении для солнца влажного элемента дают основание слушателям заподозрить Серапиона в стоицизме.] какие-то стихи, весьма недурные, с которыми, как думает Дикеарх, [2 – Дикеарх из Мессены (347–287 гг. до н. э.) – ученик Аристотеля, получивший у римских писателей эпитет «ученейшего». Его сочинения – «Жизнь Эллады», «Жизнеописания философов», «О Гомере», «О поэте Алкее», «Объяснения сюжетов у Софокла и Еврипида» и другие; от них сохранились лишь незначительные фрагменты.] Еврипид обратился к царю Архелая: [3 – Еврипид провел при дворе македонского царя Архелая два последних года жизни (408–406 гг. до н. э.).]

Я, бедняк, не желаю делать подарки богачу:
Не сочти меня безумным или что мной руководит какой-нибудь расчет.

И в самом деле, человек, дающий мало из своего скудного состояния людям богатым,нисколько им не угождает, наоборот, ему не верят, что он дарит просто так, и, мало того, он еще получает репутацию подлого и низкого человека.

Но посмотри, насколько денежные подарки уступают по благородству и красоте дарам разума и мудрости: приятно и дарить их, и просить взамен от получивших подобных же даров. Поэтому я посылаю тебе, а через тебя и нашим друзьям [4 – Друзья в Афинах, где Плутарх в молодости изучал философию под руководством Аммония и впоследствии возвращался туда на короткое время.] свои первые плоды – некоторые из пифийских речей в надежде, признаюсь, получить от вас подобные же подарки в большем количестве и более хорошие, поскольку вы располагаете возможностями многолюдного города и имеете свободное время для чтения многих книг и для разнообразных бесед. [5 – Ср. Dem., II: Плутарх расхваливает удобства, которые предоставляет для писательской деятельности большой город.]

Итак, мне представляется, что дорогой нам Аполлон излечивает и разрешает трудности, касающиеся жизненных обстоятельств, посредством прорицаний, которые он дает людям, вопрошающим оракул; но трудности, разрешаемые только посредством размышления, он как будто бы сам посылает философу, возбуждая у него аппетит, зовущий того к поиску истины. Это ясно из многих примеров, и в том числе из посвященной ему буквы «Е». Ведь совершенно очевидно, что эта буква – не случайно и не по какому-то жребию – единственная из букв занимает почетное место рядом с богом и как священное пожертвование служит предметом религиозного созерцания. Нет, первые мудрецы, размышлявшие о боге, поместили ее на столь почетное место потому, что или заметили в ней какой-то особый и замечательный смысл, или сами пользовались ею как символом чего-то достойного внимания.

Уже неоднократно раньше я старался незаметно уклониться от этого вопроса, предлагавшегося в нашей ученой беседе, и обойти его; но недавно я был буквально осажден своими сыновьями, поддерживающими просьбу каких-то иностранцев, которые уже собрались покинуть Дельфы, и было бы неприлично пренебречь их уговорами и отказать тем, кто непременно хотел об этом узнать.

И вот, усадив их вдоль храма, я сам начал что-то говорить, о чем-то у них спрашивать, и само место и наши разговоры вызвали у меня воспоминания о том, что когда-то, еще во время пребывания здесь Нерона, мы слышали от Аммония [6 – Все участники диалога – исторические лица, не раз встречающиеся в сочинениях Плутарха. Аммоний, приобщивший Плутарха к философии Платона, выведен в «Застольных вопросах» и в трактате «Об исчезновении оракулов». В нашем диалоге он ведет себя как руководитель беседы, к которому молодые люди относятся с большим уважением и даже восхищением. Его особая роль в дискуссии выпукло подчеркнута уже вначале; мнение Аммония о значении

эпитетов Аполлона вызывает общее одобрение и показывает Аммония знатоком дельфийского культа. Его заключительную речь – вершину теолого-философской мысли трактата – слушают с особой почтительностью.] и некоторых других лиц, беседовавших на этом же месте и натолкнувшихся на ту же затруднительную проблему.

2

Относительно того, что бог не в меньшей степени является философом, чем прорицателем, всем показались правильными объяснения Аммония; он раскрыл значение каждого имени бога: «Пифиец» – бог для начинающих учиться и исследовать, «Делиец» и «Фанес» – для тех, перед кем уже частично раскрывается истина, «Исмений» – для обладающих знанием и «Лесхинорий» – для людей, которые уже набрались опыта и извлекают пользу из споров и философских бесед друг с другом.[7 – «Пифиец» Аммоний производит от греческого «спрашивать»; «Делиец» от греческого «ясный»; «Фанес» от греческого «светить», «Исмений» от греческого «знать»; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греческого «место бесед».] «Так как начало философии, – сказал он, – это поиск истины, а начало поиска – удивление и затруднение, то естественно, что многое, касающееся божественных дел, кажется сплошными загадками и настоятельно требует вопроса "почему?" и исследования причины. Например, о вечном огне: почему сжигают в этом месте только еловые дрова и пользуются для воскурений только лавром? Почему воздвигают две статуи Мойр, [8 – В дельфийском храме Аполлона стояли жертвенник Посейдона, статуи Мойр, Зевса и Аполлона Мойрагетов и священный очаг, в котором поддерживался вечный огонь; здесь, по-видимому, пифия совершала окуривание лавром и ячменной мукой (De Pyth. огас). Аавр – дерево, посвященное Аполлону: по преданию, первый храм его в Дельфах был построен из лавра; пифия, сидя на треножнике в лавровом венке, жевала лавровые листья; рядом с треножником во внутреннем святилище находились золотая статуя Аполлона, пуп земли и священный лавр, по шелесту листьев которого гадали.] хотя повсюду считают, что Мойр три. Почему ни одной женщине нельзя обратиться к оракулу [9 – О запрещении женщинам вопрошать оракул – Eurip., Ion. 222 сл.] и в чем смысл треножника? И сколько еще других подобных вопросов, предлагаемых в качестве приманки, привлекают людей, не совсем уже неразумных и бездушных, и зовут их наблюдать, слушать и рассуждать на эти темы. Посмотри-ка на изречения: "Познай самого себя" и "Ничего чрез меру" [10 – По преданию эти изречения были записаны в Дельфах древними мудрецами (Paus., X, 24, 1).] – сколько исследований они возбудили у философов, какое множество бесед возникло из каждого изречения, как из семени. Я думаю, что не менее плодотворным будет и нынешнее наше исследование».

3

После Аммония выступил мой брат Ламприй [11 – Плутарх неоднократно выводит в «Моралиях» своих родственников и друзей. Его брат Ламприй – действующее лицо трактатов «Об исчезновении оракулов» и «Беседа о лике, видимом на луне»; в нашем диалоге он еще юноша, предлагающий с поспешностью наивное объяснение «Е», которое вызывает у Аммония усмешку.] «Вот мы выслушали речь простую и вместе с тем краткую, – сказал он. – Ведь говорят, что мудрецов (некоторые называют их софистами) было пять: Хилон, Фалес, Солон, Биант, Питтак. А затем линдский тиран Клеобул, а позже и коринфский тиран Периандр, не имевшие ничего общего ни с добродетелью, ни с мудростью, но благодаря своей власти, друзьям и милостям принудили общественное мнение присвоить им название мудрецов, изрекли какие-то гномы и положения наподобие изречений настоящих мудрецов и распространили их по Элладе.

Мудрецы были возмущены, но они не захотели изобличить их хвастовство, возбудить открытую к себе ненависть из-за славы и вступить в борьбу с могущественными людьми, а собрались и после беседы друг с другом принесли в дар богу ту из букв, которая стоит пятой в алфавите и означает цифру «пять»; тем самым они засвидетельствовали перед богом, что их только пять, а седьмого и шестого они отвергают как не имеющих к ним никакого отношения. А что рассказывают это не попусту, можно понять, послушав служителей храма, называющих золотое «Е» даром Ливии, жены Кесаря, медное – приношением афинян, а первое и самое древнее «Е», из чистого дерева, еще и теперь

Плутарх О Е в дельфах filosoff.org
называют даром мудрецов, так как оно подарено не одним, а является общим приношением всех мудрецов».

4

На это Аммоний тихо засмеялся, подозревая, что Ламприй выдумал сам всю эту историю, но сказал, что якобы слышал ее от других, чтобы не быть за нее в ответе, а на самом деле выразил свое личное мнение. Кто-то из присутствующих заметил, что подобный вздор болтал недавно чужеземец халдей: «Есть, – утверждал он, – семь букв, произносимых чистым голосом; есть семь созвездий,двигающихся по небу

Движением чистым и независимым; от начала алфавита буква «Е» из гласных вторая, а солнце – из созвездий второе после луны. А Аполлон, как считают все эллины, тождествен солнцу». [12 – По поводу признания солнца вторым по значению созвездием (небесным телом) после луны Р. Флассельер пишет: «Хотя халдейские астрономы знали, конечно, преобладающую роль солнца в планетной системе, они отдавали первое место луне не только потому, что она наибольшим образом влияет на нашу планету и имеет главное значение в магических волшебствах; нужно еще вспомнить, что календарь древних сообразовывался, в основном, с луной и что некоторые восточные космогонии считают богиню луны более важной, чем солнца».] – «Но это, – заключил говоривший, – разумеется, из области астрологических таблиц и болтовни на перекрестках».

Ночь Ламприя, как следовало ожидать, незаметно вызвала раздражение служителей храма. Ведь то, что он сказал, никому из дельфийцев не было известно. В ответ они стали излагать суть общего ходячего мнения, считая, что ни начертание, ни звучание, а только значение буквы имеет смысл.

5

Как предполагают дельфийцы и как сказал тогда от их имени жрец Никандр, [13 – Никандр назван ;, то же, что и ; – пожизненный жрец. При дельфийском храме состояли два ;, излагавшие и объяснявшие изречения пифии, пять – «чистых», руководящих верующими при обращении к оракулу, и экскурсоводы, показывающие посетителям священные памятники Дельф.] буква «Е» представляет собой формулу обращения к богу и занимает главное место в вопросах каждый раз, как вопрошают оракулы: будет ли победа? жениться ли? будет ли удачным плавание? заняться ли обработкам земли? отправиться ли путешествовать? [14 – Все вопросы, кроме первого, приведенные Никандром, касаются мелких частных дел. Плутарх объясняет это установлением прочного мира, который избавил народы и города от тяжелых бедствий – войн, переселений, мятежей, тираний, поэтому теперь обращаются к богу по поводу лишь семейных и вообще личных проблем. (De Pyth. orac. XXIII, 408 В–С; ср. также De def. orac. 413 В).] А диалектиков [15 – Поскольку в следующей главе за диалектику вступается друг Плутарха Теон, который защищает ее с позиций стоицизма, то, по-видимому, под «диалектиками» Никандр подразумевает в первую очередь стоиков. Стоики впервые разделили философию на физику, пику, логику. Логика распадалась на диалектику (учение о рассуждениях в форме вопросов и ответов) и риторику (учение о рассуждениях в форме непрерывной речи); диалектика состояла из учения о словесных выражениях и о том, что они обозначают и выражают.] бог в своей мудрости с пренебрежением отсылает прочь, так как они совершенно не понимают, что дело рождается из частицы «ли» и связанного с ней предложения, между тем как бог все вопросы, подчиненные этой частице, представляет себе как дела настоящие, и они ему по душе.

Поскольку все мы имеем обыкновение обращаться к нему вопросом как к прорицателю и молить его как бога, полагают, что эта буква выражает одновременно желание не меньше, чем вопрос: ведь каждый из молящихся говорит: «О, если бы...». И Архилох умоляет: «О, если бы мне коснуться руки Необулы».

А что касается слова («если бы только»), то говорят, что второй слог в нем необязателен, так же как и ;, например, у Софрона: «Она также, конечно, нуждалась в детях», и в стихе Гомера: «Я, конечно, укрошу и твою ярость»,

так как в самом слове «если» уже достаточно ясно выражено пожелание. [16 – Никандр хочет сказать, что в просьбах употребляется особенно часто с энклитической частицей означает «О, если бы только», хотя, по его мнению, частица в этом сочетании не обязательна, так же как и употребление (уже безотносительно к) частицы – «конечно».]

6

После того, как Никандр все это изложил, мой товарищ Теон (ты ведь, Серапион, его знаешь) спросил Аммония, будет ли диалектике, услышавшей в свой адрес столь тяжкие оскорбления, предоставлено право открыто высказаться. [17 – Теон, как и все другие персонажи диалога, лицо реальное: его знает Серапион, он входит в число юношей, мнения которых Аммония не считает нужным серьезно опровергать. Это же имя носят персонажи трактатов: «Беседа о лике, видимом на луне» (по происхождению египтянин), «Невозможно жить счастливо по учению Эпикура» (по-видимому, житель Фокиды), «Застольные вопросы» и «О том, что пифия более не прорицает стихами». Тожественны ли друг другу все плутарховские Теоны, установить не удастся. Предполагают, что Теон родился в Египте, но получил права гражданства в Фокиде; александрийского грамматика Теона («Беседа о лике...») пытаются идентифицировать с Теоном из диалога «О том что пифия более не прорицает стихами» – авторитетным знатоком дельфийских памятников, которому принадлежат самые глубокие мысли трактата. Теон защищает диалектику с позиций стоицизма, утверждая, что Аполлон в большой степени сам является диалектиком, так как его прорицания основаны на знании причинно-следственной связи явлений, которая выражается в предложении союзом еі. По учению стоиков, «божество и судьба составляют одно целое. Но божество это, прежде всего, совершенный разум, значит, оно разумно управляет эволюцией Вселенной, оно есть Провидение. Таким образом, всякое явление есть плод божественной и разумной воли, закон Вселенной» (А. Vodson. *La morale sociale des derniers stoiciens*. Seneque. Epictete et M. Aurele. P., 1967, p. 34).]

На настойчивый призыв Аммония говорить и вступить за диалектику Теон сказал: «Тот факт, что бог в высшей степени сам диалектик, ясно показывают многие его оракулы, так как ему присуще свойство и разрешать загадки, и задавать их. Больше того, как рассказывал Платон, бог, отдав предписание через оракул увеличить вдвое объем его алтаря на Делосе – дело, требующее высшего опыта в геометрии, – в действительности преследовал другую цель: побудить эллинов заняться геометрией. [18 – Об этом подробнее см. Plut., *De gen. Socr.* VII.] Вот таким образом, путем двусмысленных оракулов, бог возвеличивает и восхваляет диалектику как необходимость для тех, кто хочет правильно понимать его. Ведь именно в диалектике имеет очень важное значение этот условный союз «если»: поскольку он образует логичнейшее предложение, разве он не служит связью? Даже животные имеют понятие о существовании вещей, но только человека природа наделила способностями наблюдать связь явлений и судить о ней.

Ведь то, что существуют «день» и «свет», чувствуют, конечно, и волки, и собаки, и птицы: но то, что «если настанет день, то будет свет», никто, кроме человека, не понимает, потому что только он один схватывает мыслью движение и обстановку, внешний вид вещей и связь их друг с другом, сходство и различие – именно то, в чем доказательства черпают главную силу.

Так как философия – это поиск истины, а обнаружение истины – это доказательство ее, основа же доказательства – это связь явлений, то естественно, что средство, скрепляющее и выражающее эту связь, мудрецы посвятили богу, который особенно возлюбил истину. Ведь это бог-прорицатель, а искусство прорицания относительно будущего основывается на знании настоящего и прошедшего: ничто ведь не возникает без причины и не предсказывается вопреки логике. Но так как все настоящее следует за прошедшим, а будущее следует за настоящим и на пути своего движения от начала до конца они сцеплены, то бог, по своей природе обладая свойством сопоставлять друг с другом причины и связывать их воедино, знает и вещает: «И то, что есть, и то, что будет, и то, что было». [19 – Нот., II, I, 70: относится к прорицателю Калханту.] И правильно Гомер помещает в рассказе сначала настоящее, а затем будущее и прошедшее; ведь рассуждение, исходя из бытия, строится по причинно-следственной связи, как, например: «если есть вот это, значит, было то-то» и, наоборот, «если есть вот это, значит, будет

то-то".

Искусство логики, как уже отмечалось, заключается в познании причинной связи, а чувство дает добавление разуму. Поэтому я не могу удержаться от сравнения, даже если оно невыразительно, назвав разум треножником истины, так как он устанавливает причинную связь между остановкой и движением, а затем, прибавив к этому факты, ведет доказательство к выводу.

Если Пифиец, любя музыку, получает удовольствие от пения лебедей и от звуков кифары, то что же удивительного, если он из-за дружбы с диалектикой приветствует с любовью эту частицу рассуждения, которой особенно часто, как он видит, пользуются философы?

А Геракл еще до освобождения Прометея и до того, как он беседовал с мудрецами из окружения Хирона и Атланта, будучи юношей, да к тому же еще истинным беотийцем, возражал против диалектики и, смеясь над ее рассуждением "если предыдущее такое, то последующее вот такое", он решил выдернуть силой у пифии треножник и сразиться с богом из-за искусства прорицания. Но по прошествии определенного времени даже он, как и следовало ожидать, стал одновременно и очень искусным в прорицании, и прекрасным диалектиком».

7

Когда Теон кончил свою речь, ко мне обратился (насколько я помню) афинянин Евстрофий: [20 – Евстрофий, выведенный также в «Застольных вопросах», выражает точку зрения пифагорейцев.] «Ты видишь, с каким пылом Теон защищает диалектику, бросаясь на нас чуть ли не как лев. [21 – Букв.: «чуть ли не надев шкуру льва», т. е. подобно Гераклу.] В таком случае, разве нам, полагающим, что в числе заключаются все вещи в совокупности, и природные свойства их, и начала одновременно всего божеского и человеческого, нам, которые видят в числе первопричину всего самого прекрасного и ценного, подобает ли нам оставаться равнодушными? Не следует ли, напротив, принести в жертву богу первые плоды любимой математики: ведь мы считаем, что «Е» сама по себе отличается от остальных букв не смысловым значением, не начертанием и не звучанием, но она высоко ценится как знак важного и господствующего над остальными числа пяти, из-за которого мудрецы назвали глагол «считать» – "исчислять пятерками"». [22 – Ср. De Is. et Os.] Евстрофий обратился именно ко мне с такой речью не шутя: ведь в это время я со страстью изучал математику, впрочем, намереваясь во всем отдавать предпочтение принципу «Ничего чрез меру», так как я был учеником в Академии.

8

Я ответил Евстрофию, что он прекрасно разрешил трудную проблему при помощи числа. «Ведь всякое число, – продолжал я, – делится на четное и нечетное, единица же причастна к тому и другому по значению (так как прибавлением к нечетному числу она делает его четным, а прибавлением к четному делает нечетным), а число «два» считается началом четного числа, «три» – началом нечетного, число же «пять» рождается из соединения их обоих друг с другом. Поэтому естественно, чтобы оно имело особый почет, как первое число, образованное из первичных чисел, и называлось бы супружеским вследствие соответствия четного числа женскому полу, а числа нечетного – мужскому: ведь при разделении чисел пополам четное делится полностью, оно как бы что-то вмещает, какое-то начало и пространство, в то время как в нечетном числе при разделении пополам остается всегда посередине остаток деления. Поэтому нечетное число более производительное, чем четное, и при соединении с четным оно всегда преобладает и никогда не подчиняется ему: из обоих чисел ни при каком соединении не возникает четное, а всегда только нечетное число.

Больше того, каждое из них, соединяясь с самим собой, дает различный результат: никакое четное число при сложении с четным же не составит нечетного числа и не выйдет за пределы своего свойства быть четным, являясь по своей слабости и несовершенству неспособным к рождению иного, нечетного числа. А нечетные числа при сложении с нечетными рожают, благодаря своей

Теперь не время рассматривать другие значения и различия чисел. Скажем только, что число «пять» рождается из соединения первого мужского числа ("три") и первого женского ("два"), поэтому пифагорейцы называют его числом супружеским. Возможно, по этой же причине его называют также природным, так как при умножении на самое себя оно оканчивается снова на самое себя. Точно так же, как природа, получив пшеницу в зерне и впитав ее, производит в недрах многие формы и виды, через которые ведет процесс образования до его завершения, затем показывает всем пшеницу, возвращая ей в конце концов первоначальный вид. Точно так же и здесь, в то время как остальные числа при умножении на самих себя оканчиваются на другие числа, «пять» и «шесть» – единственные, которые при умножении на самих себя воспроизводят и сохраняют себя – ведь шестью шесть – тридцать шесть, а пятью пять – двадцать пять. И далее, если первое из них – «шесть» – дает такой результат только однажды и только в том случае, когда оно возведено во вторую степень, то с числом «пять» происходит то же при умножении, но, кроме того, оно попеременно оканчивается то на самое себя, то на «десять». И так до бесконечности, потому что это число воспроизводит начало, организующее весь мир. Ведь это начало, замещающее собой космос, из космоса снова возвращается в самое себя, так же как, согласно Гераклиту, "все вещи меняются на огонь, и огонь меняется на все вещи, подобно тому, как товары обмениваются на золото и золото на товары". [23 - Diels, I, p. 95, fr. 9.] Аналогично дело обстоит и с числом «пять»: сочетание числа «пять» с самим собой не рождает ничего несовершенного или инородного, но подвергается определенным закономерностям: оно производит или самое себя, или число «десять», т. е. или собственное число, или совершенное.

9

Если спросят, какое это имеет отношение к Аполлону, мы ответим, что не только к нему имеет отношение, но и к Дионису, которому Дельфы принадлежат не меньше, чем Аполлону. [24 - Дионис, по преданию, был погребен в Дельфах после убиения его титанами, и его гробницу показывали в аôvгов храма Аполлона. В честь его через каждые два года совершалось празднество, при котором 01 00101 устраивали жертвоприношение в святилище Аполлона, а дельфийские и аттические женщины выходили с факелами на Парнас и здесь в вакхическом экстазе совершали оргии в честь Диониса, которого при этом называли «;» (см. De Is. et Os.).]

Послушаем же исследователей природы божества, прославляющих в стихах и прозе бога как бессмертного и вечного, но под влиянием присущей ему какой-то воли и разума изменяющего себя: то он воспламеняет свою природу и переходит в огонь, делая все вокруг подобным одно другому, то он принимает разнообразнейшие виды, различные по форме, свойствам, силе – как теперь явлен мир, а называется самым известным из имен – космосом. [25 - учение Гераклита об огне как первоначальной стихии, которая, превращаясь в другие стихии, рождает мир, и о периодическом возгорании космоса было воспринято стоиками. Но, в отличие от Гераклита, для них «первоогонь был уже не просто слепой силой, но художественно-творческим огнем, разумно создающим мир и управляющим им, он является здесь Провидением – термин, впервые получивший такое значение» (А. Ф. Лосев, Стоицизм, «Философская энциклопедия», М., 1970, т. 5, стр. 136).] Утаивая это от толпы, мудрецы называют превращение бога в огонь Аполлоном из-за единства субстанции и Фебом из-за его незапятнанной чистоты; [26 - Этимология имени Аполлона производится от – «отсутствие множественности»; отчистившись от убийства Пифона, Аполлон принял имя Феба – «чистого».] разнообразнейшие изменения при превращениях его в воздух, воду, землю, звезды, в рождающиеся растения и живые существа и его изменения, ведущие к упорядочению космоса, мудрецы выражают в туманных намеках, называя рассеиванием и разрыванием; и тогда они именуют бога Дионисом, Загреем, Никтелием и Неодетом; и они рассказывают загадочные истории и мифы о каких-то разрешениях и уничтожениях бога, [27 - По учению стоиков, мир – это огромное живое тело, душа которого есть творческий огонь, или теплое дыхание. Пневма вечна, обладает внутренней энергией и спонтанным движением; она – единственный источник жизни психической и физической во всех ее проявлениях, причина и создатель вселенной. В начале бесконечной пустоты существует один огонь; он, частично уплотняясь, превращается в воздух, часть воздуха переходит в воду, часть воды в землю и т.д.; воздух и огонь соединяются, и пламенное дыхание проходит через воду.

Воздух и огонь – мужской элемент, вода – женский. Так зарождается эмбрион мира. Пневма – божественное дыхание – первопричина мира, она пронизывает материю всецело, подобно меду, распространяющемуся в сотах воска, и путем изменения своего напряжения создает многообразие мира. Так объясняют стоики наличие четырех царств природы: на самой низкой ступени пневма производит простую плотность тела – минеральный мир; к плотности добавляется спонтанный рост – растительный мир; в некоторых существах пневма создает ощущение и порыв движения, или инстинктивную тенденцию к действию, – животный мир; и, наконец, на самой высшей ступени пневма становится разумом или разумной душой, – человеческий мир (см. Bodson, ук. соч., стр. 27–34). «Что же касается конца эволюции, – пишет Бодсон, – то стоики приняли идею, которая не была новой в греческой мысли – о вечном возвращении; постоянное становление вселенной рисуется большими кругами, в пределах которых огонь поглощает все, что он создал, и дает рождение новому зародышу, точке отправления и движущемуся элементу новой эры, аналогичной предшествующим и последующим за ней... Многочисленные функции божества придают ему различные названия. Это Зевс, к которому обращается Клеанф, затем Мир, Небо, Гегемон мира, Вселенной, Судьба, Провидение, Мировой закон, Природа, Зевс. Это разнообразие позволило монотеистам стоикам сохранить формально политеизм народной религии: боги – только персонификации многочисленных функций высшего бога». Миф о божественном ребенке Дионисе-Загрее, который был растерзан титанами на Крите, а затем воскрешен Зевсом и поставлен им управлять миром – находится в центре орфической теогонии. Поэтому под «исследователями природы божества» Плутарх понимает не только стоиков, но и орфиков; прозвище «никтелий» – «ночной» объясняется тем, что дионисийские оргии справлялись ночью; «Исодет» – «равномерно разделяющий» имеет связь с т.н. разделением универсальной основы на различные части мира, что символизирует расчленение Диониса.] и поют ему дифирамбы, полные страданий и переменчивых настроений, выражающих смятение и колебание.

"Ведь, – как говорит Эсхил, – Дионису подобает, чтобы ему сопутствовал смешанный с криком дифирамб участник вакхического шествия", а в честь Аполлона поют пеан, песнь упорядоченную и благоразумную, и его самого изображают на картинах и на статуях неувыдающим и вечно юным, а того бога – во многих видах и образах. В общем, отождествляют первого с гармонией, порядком и полной серьезностью, а второго – с какой-то неустойчивостью, состоящей из шутки, заносчивости и безумия; поэтому призывают его как "Дионис-Эвий! Приводящий в исступление женщин, расцветающий от почестей безумствующих". [28 – Стих анонимного лирического поэта.] Так неплохо они схватывают сущность каждого изменения.

Поскольку время изменений в природе охватывает неравные периоды: больший, который называют периодом «изобилия», и другой, меньший, называемый периодом "недостатка", [29 – Флассельер делает ссылку на Гераклита: «Гераклит называет это нуждой и пресыщением. Нужда же есть упорядочение, согласно ему, а возгорание – пресыщение».] то в соответствии с этими периодами большую часть года при жертвоприношениях исполняют пеан, а с наступлением зимы пробуждают дифирамб и, прекратив пеан на три месяца, призывают вместо Аполлона Диониса. Думают, что это соотношение трех и девяти соответствует времени порядка космоса и времени его воспламенения.

10

Но рассуждение мое затянулось более, чем следовало в данных обстоятельствах. Во всяком случае ясно, что находят соответствие между божеством и числом «пять»: то оно выступает в чистом виде подобно огню, то выделяет из себя число «десять», означающее вселенную.

Так как музыка весьма приятна богу, то не полагаем ли мы, что она имеет отношение к этому числу? Суть гармонии, если можно так сказать, в созвучиях. Их пять, и не больше. Это доказывает рассуждение, хотя желающий может уловить то же самое на струнах и на дырочках флейты без всякого рассуждения, основываясь лишь на чувстве. Все созвучия рождаются из соотношения чисел. Счет первого созвучия через четыре звука есть эпитрит, счет второго через пять звуков – это гемиолий, счет третьего – двойной звук через все звуки, счет проходящего через все и через пять – трехкратный, а четырехкратный – тот, который дважды проходит через все звуки. Люди, сведущие в музыке, добавляют к этим интервалам еще один, выходящий из

ритма, называя его проходящим через все и через четыре, но не стоит в угоду неразумному слуху принимать, вопреки разуму, это созвучие за правило.

Я не буду останавливаться на пяти позициях тетраордов и на пяти первых тонах, или ладах, или, как следует их называть, гармониях (крайние из них – низкие и высокие, остальные же разнообразятся в зависимости от напряжения или разрешения); но разве из существующих многих, а вернее, из бесчисленных интервалов не только пять являются музыкальными: диез, полутон, тон, полтора тона, два тона? И разве имеется какой-либо другой интервал, меньший или больший по высоте тона в области звуков?»

11

«Многие другие соображения, – сказал я, – на ту же тему я обойду, а привлеку Платона, который говорит, что космос – один, а если предположить, что есть другие, кроме него, и что он не единственный, то их будет пять, и не больше.[30 – Plato, Tim. 31 A, 55 C–D.] Но если, напротив, космос один и единственный, как думает и Аристотель,[31 – Arist., De caelo I, 8 сл.] то он составлен каким-то образом и построен из пяти миров: один из них – мир земли, другой – мир воды, третий и четвертый – миры воздуха и огня, пятый же мир – небо, и его одни называют светом, другие – эфиром, третьи – пятой субстанцией, которой единственной из тел присуще круговое вращение от природы, а не в силу внешней необходимости или какой-либо случайности.

Вот почему Платон, заметив в природе пять самых прекрасных и совершенных геометрических фигур: пирамиду, куб, октаэдр, эйкосаэдр и додекаэдр, отнес каждую к соответствующему миру.[32 – Plato, Tim. 53 C–55.]

12

Есть люди, которые ставят в связь с этими первичными мирами свойства чувств, равные им по числу: они полагают, что осязание обладает свойством крепости и имеет природу земли, что вкус различает вкусовые качества из-за влажности, что сотрясенный воздух в слухе оборачивается голосом и звуком; из остальных двух запах дан в удел обонянию и, будучи испарением и рожденный теплом, сходен с огнем; вследствие того, что зрение излучает свет благодаря родству с эфиром и светом, оно представляет собой смесь, похожую на них обоих, и обладает качеством плотности. Как живое существо не имеет никаких других ощущений, кроме названных, так и космос не имеет никаких других простых и чистых субстанций. Но какой существует, как нам представляется, удивительный порядок и соотношение пяти чувств и пяти миров!»

13

На этом я остановился и, помолчав некоторое время, продолжал: «Как это случилось с нами, Евстрофий, что еще немного, и мы бы прошли мимо Гомера, как будто бы не он первый разделил космос на пять частей: три части посредине он передал трем богам, а две по краям – Олимп и землю, из которых земля составляет нижний предел, а Олимп – предел верхних областей, – он оставил общими и неделимыми.[33 – Horn., II, XV, 187–193.] "Но следует вернуться к теме", как говорит Еврипид. Ведь те, кто перевозносит число четыре, не попусту учат, что каждое тело образовано на основе этого числа.

Когда к длине и ширине добавляется высота, образуется тело; длине предшествует точка, принимаемая за единицу; длина без ширины, которая называется линией, соответствует числу два; движение линии в ширину дает происхождение поверхности тела в трех измерениях; высота, добавленная к этим трем измерениям, формирует тело из четырех измерений. Отсюда каждому ясно, что число четыре ведет природу вперед до завершения и образует осязаемое тело, а затем оставляет его лишенным самого главного.

Неодушевленное тело, говоря попросту, является сиротой и неполноценным и ни к чему не пригодным, так как у него отсутствует душа. Движение, помещающее душу внутрь тела, иначе говоря, изменение состояния тела благодаря числу

«пять», придает природе совершенство и имеет настолько более важное значение, чем число «четыре», насколько живое существо отличается по достоинству от неодушевленного.

Соразмерность, присущая числу «пять», и сила его еще более могущественны, они не допускают появления в природе бесконечного числа видов среди одушевленных существ, но образуют только пять видов, а именно: это боги, демоны, герои, затем после них четвертый вид – люди, [34 – Ср. De def. orac. X, 45 В: разделение существ на четыре вида приписывается Гесиоду.] а последний, пятый вид – неразумные животные.

Кроме того, если ты разделишь самую душу согласно ее природным свойствам, то первая способность ее, и самая низшая, – способность питания, вторая – чувственная, затем способность желать, а после нее способность гневаться. Дойдя до способности разума и завершив им свою природу, душа останавливается на пятой ступени, как на вершине.

14

Так как это число имеет столько замечательных свойств, то прекрасно и его происхождение: не только из «двух» и «трех», как мы это отмечали, но оно образовано из начального элемента чисел, присоединенного к первому квадрату. Ведь начало всякого числа единица, а первый квадрат – это «четыре». Из них, как из формы и материи, имеющей предел, образуется «пять». Если же единица, как некоторые правильно считают, – это первый квадрат в том смысле, что помноженное на самое себя она воспроизводит себя, то число «пять» образовано из двух первых квадратов, что не лишает его преимущества благородного происхождения».

15

«Самого главного, – продолжал я, – мной не было высказано из-за боязни оскорбить нашего Платона: как он сам говорил, Анаксагор попал в неловкое положение из-за луны. Он создал относительно ее света собственную гипотезу, которая в действительности была очень старой. Разве не так рассказывает Платон в "Кратиле"? [35 – Plato, Crat. 409 А.]» – «Конечно, – ответил Евстрофий, – но что случилось подобное с Платоном, я не заметил».

«Ты, конечно, знаешь, – сказал я, – что в "Софисте" [36 – Plato, Soph. 254 В–256 D.] он указывает на пять самых главных начал: сущее, тождество, различие, а четвертое и пятое начала после них – это движение и неподвижность. В "Филебе" [37 – Plato, Phileb. 23 С.] же, применяя другой способ разделения, он говорит, что первое начало – бесконечность, второе – предел; из смешения их произошло все существующее; четвертое начало составляет причина, по которой происходит смешение; о пятом он заставляет нас догадываться, благодаря чему все смешанное приобретает снова способность разделения и распада. Я заключаю, что эти начала названы как отражения первых, ведь рождение есть отражение сущего, бесконечность – отражение движения, предел – отражение неподвижности, смешение их – отражение тождества, разделение – отражение различия. Если же начала при том и другом способе деления не совпадают, то все равно он мыслит их в пяти различных видах.

Кто-то упредил в этом Платона и поэтому посвятил «Е» богу, как признак и символ числа вселенной. Но также Платон заметил, что благо проявляется в пяти видах, из которых первый – умеренность, второй – соразмерность, третий – ум, четвертый – знания о душе, искусства и истинные представления, пятый – наслаждение без примеси печали, [38 – Plato, Phileb. 66 А–С.] и он заканчивает это рассуждение, цитируя орфиков: "прекратите красоту пения на шестом рождении"». [39 – Plato, Phileb. 66 С.]

16

«К этому сказанному для вас, – продолжал я, – "спую одну коротенькую песню для людей сведущих" [40 – Начало стиха неизвестной орфической песни.] из

окружения Никандра. Ведь на шестой день месяца..., когда ты ведешь пифию в Пританей, на первый из трех жребиев, а их пять..., она бросает три, а ты два жребия... Разве это происходит не так?» Тогда Никандр ответил: «Да, так, но причину этого нельзя разглашать непосвященным».

«Конечно нет, – сказал я, смеясь, – до тех пор, пока бог не разрешит нам, его жрецам, узнать истину. Но пусть это также будет добавлено к сказанному в защиту числа "пять"».

Как помню, именно на этом я закончил свою речь, направленную на восхваление арифметических и математических свойств буквы «Е».

17

Так как Аммоний сам видел в математике не ничтожнейшее дело для философии, [41 – Аммоний – философ Академии, где, как известно, особое значение предавалось занятиям математикой.] он обрадовался моей речи и сказал: «Недостойно было бы с чрезмерной скрупулезностью опровергать юношей, заметим только одно, а именно: что каждое число предоставляет желающим восхвалять и воспевать его немалые основания. Но зачем нужно говорить о других числах? Ведь на посвященное Аполлону число «семь» будет потрачен целый день, прежде чем удастся рассмотреть все его свойства. После этого мы объявим, что мудрецы «воюют» против общего мнения и вместе с тем "против давнишней традиции", [42 – Слова Симонида.] поскольку они, отказав числу «семь» в почетном месте, посвятили богу число «пять», как более подобающее ему.

Я думаю, что буква «Е» не обозначает ни число, ни порядок космоса, ни союз или какую-либо недостающую частицу речи, но она является независимым от других частей речи обращением к богу, доводящим до сознания человека при произнесении ее силу бога. Ведь бог обращается здесь к каждому из нас как бы с радушным приветствием: "Познай самого себя", что имеет смысл не меньший, чем "Здравствуй". [43 – Источник этой фразы мы находим в «Хармиде» Платона, 164 E–D: там Критий говорит, что дельфийская надпись «Познай самого себя» – это приветствие, с которым бог обращается к пришедшим в его храм вместо обычного приветствия, так как при встрече нужно не ободрять друг друга, а призывать к мудрости.] А мы, со своей стороны, в ответ богу говорим: "ты еси", [44 – Глагольная форма «Е» (долгое закрытое «ε», которое позднее писалось «ει»)] обращаясь к нему с единственно правдивым и истинным приветствием, подходящим только ему одному, утверждая, что он существует.

18

Ведь ничто из действительного бытия не имеет к нам никакого отношения, но вся смертная природа, явленная в рождении и смерти, представляет призрак и несовершенную и переменчивую видимость самой себя.

Если мы хотим схватить изменчивую природу, сосредоточив на ней мысль, то она подобна воде: сильно схватив воду, мы сжимаем и собираем растекающуюся, но она исчезает. Точно так же рассудок, стремясь к чрезвычайной ясности состояний и изменений каждой вещи, обманывается то в отношении рождения ее, то в отношении смерти, не имея возможности постичь природу, так как она лишена всякой устойчивости и истинного бытия. "Ведь невозможно дважды, – согласно Гераклиту, – войти в одну и ту же реку" и невозможно прикоснуться дважды к одной и той же тленной субстанции, но вследствие стремительности и быстроты происходящих изменений она рассеивается и снова собирается, точнее, не снова и не потом, а одновременно она образуется и исчезает, присутствует и отсутствует. Вследствие этого становление субстанции никогда не дойдет до бытия, так как она не прекратит и не задержит рождения, но в постоянном изменении создаст из спермы эмбрион, затем младенца, ребенка, подростка, юношу, взрослого мужчину, пожилого и старика, разрушая первые стадии развития и возрасты для идущих на смену.

Но мы, уже столько раз умерев и умирая, смешно боимся одной смерти. Ведь не только, как говорит Гераклит, смерть огня есть рождение для воздуха и смерть воздуха – рождение для воды; но еще более ясно это в отношении нас

Плутарх О Е в Дельфах filosoff.org
соответствующей ειζ, μια – «один», «одна».]

Единое – непорочно и чисто; а при смеси одного с другим образуется миазма, как где-то и Гомер говорит, что "слоновая кость, будучи выкрашена в красный цвет, грязнится", [46 – Horn., II, IV, 141.] и красильщики называют "смешивать краски" – "быть погубленным", а смесь – "гибелью".

Итак, вечно неизменному и чистому присуще быть единым и несмешанным.

21

Достойны расположения и любви за благородство мыслей те, кто считают Аполлона и солнце тождественными; из всего того, что они знают и чего страстно желают, именно к этому они относятся с особенным уважением, полагая здесь промысел божий. [47 – идентификация Аполлона и солнца получила во времена Плутарха всеобщее распространение. В этом надо видеть влияние не только халдейской астрономии, но и стоического учения, которое давало народной вере натуралистические интерпретации.]

Но разбудим их как людей, видящих бога в самом прекрасном из снов, и посоветуем им подняться выше и обозреть реальность и сущность божества; но пусть они также почитают это отражение бога и восхваляют животворящую силу, заключенную в нем; насколько возможно найти соответствие между переменчивым ощущением и умопостигаемой и неизменной идеей, настолько это отражение дает, так или иначе, какое-то призрачное представление о божественной милости и счастье. [48 – Аммоний развивает платоновскую концепцию, основанную на полном разрыве между духовной и материальной сферами: поэтому Аполлон не может быть идентичен материальному светилу. Но как Аполлон – высшая сверхчувственная идея в идеальном мире, так солнце – главное в мире тел, и поэтому оно может быть материальным символом духовной реальности Аполлона, но не тождественно ему.]

А что бог перемещается и превращается в огонь со всеми другими субстанциями, затем, как говорят, снова уплотняется и растягивается в землю, в ветры, в живые существа, в разные свойства животных и растений, то об этом даже слушать не-благочестиво.

Или бог будет более пустым, чем ребенок, который, как говорит поэт, играет с песком, то собирая его, то снова разбрасывая; [49 – Not., и. XV, 369 сл.] так и бог якобы вечно забавляется той игрой со вселенной, создавая космос, не имеющий существования, а затем уничтожая созданное. Напротив, все, что присуще так или иначе космосу, божество объединяет в своей сущности и удерживает слабую телесную субстанцию от уничтожения.

И мне кажется, что в противовес этому мнению обращаются к богу с приветствием "ты еси", как свидетельством его существования, так как никогда ему не бывает свойственно превращение и изменение; но другому какому-то богу или, скорее, демону, распоряжающемуся смертью и рождением природы, присуще создавать изменения в природе и испытывать их самому. [50 – Разрыв между идеальным и материальным заставляет вводить посредников между ними – демонов – для объяснения действия Провидения на материальный мир.] Это ясно из имен, прямо противоположных по значению и противоположно звучащих: ведь называют одного Аполлоном, а другого Плутоном, одного Делием, а другого Аидонеем, одного Фебом, а другого Скотием. [51 – Аполлон – «Единый», Плутон – «Множественный», Делий – «Ясный», Аидоней (или Аид) – «Подземный», Феб – «Светлый», «Чистый», Скотий – «Темный».] У одного Музы и Память, а у другого Забвение и Молчание. И один – Феорий и Фанес, а другой "властитель мрачной ночи и праздного сна". [52 – Феорий – «Созерцатель»; фанес – «Светоносный». Далее стих неизвестного автора.] И он же "самый враждебный для смертных из всех богов", [53 – Noth., II, IX, 159.] а про другого Пиндар довольно приятно сказал: "По общему признанию он для смертных очень кроток". Справедливо сказал Еврипид: "Возлияние мертвецов и песни их златокудрий Аполлон не принимает". [54 – Suppl. 975–977.] И еще раньше него сказал Стехисор: "Хороводы, игры и пение любит Аполлон больше всего, а горе и рыдания получил в удел Аид". А что Софокл каждому из двух инструментов приписывал свое назначение, это ясно из следующих стихов: "Ни на-бла не подходит для воплей, ни лира не дружна с ними". [55 – Набла – род струнного инструмента.] И ведь давно, а в то же время недавно флейта осмелилась зазвучать для радости, а в прежнее время она сопровождала

траурные рыдания и исполняла при этом роль не особенно почетную и блестящую, а впоследствии все перемешалось. Сильно смешав божественное с демоническим, они привели сами себя в замешательство. Но кажется, что формула "Познай самого себя" некоторым образом противоположна формуле "Ты еси" и в некотором смысле согласуется с ней: ведь одно выражение восклицают в изумлении и почтении, обращаясь к богу, как существу во всем, а другое является напоминанием человеку о его смертной природе и слабости». [56 - Остается неизвестным, как думает Фласельер, разделял ли автор точку зрения Аммония – глагольная форма «ты еси») или считал вопрос о «Е» вообще неразрешимым (вроде задачи об увеличении вдвое делосского алтаря) и видел смысл беседы только в пробуждении самого желания поиска, который остановился бы, если бы решение было найдено. Среди выдвинутых современными учеными гипотез о смысле «Е» Фласельер различает две группы. Одни рассматривают «Е» как эквивалент – «иди, входи (в мой храм)» или «он (бог) сказал». Другие основывают интерпретацию только на начертании «Е»: этот знак напоминает им три камня или три столба, установленных на базе и изображающих трех Харит, или знак шумерского происхождения, означающий дом, храм или ключ в замке. Наиболее интересна попытка трактовать «Е» как знак минойского происхождения, который встречается на критских геммах и, быть может, является символом божества; по-видимому, изображение этого знака было привезено с Крита в Дельфы в то же самое время, что и земной пуп – атрибут великой богини. Когда оракул, ранее принадлежавший Земле, переходит к Аполлону, ему приписывают священный символ богини. Символический знак, выгравированный на изображениях земного пупа (найденных в Дельфах), позднее идентифицируется с буквой «Е», на которую он был похож. Так минойский символ становится атрибутом Аполлона и почитается в Дельфах в течение всей античности. «Греки исторической эпохи, – заключает Фласельер, – потеряли всякое воспоминание о его происхождении и значении, для них это была священная буква Аполлона. Таким образом, дельфийского храма есть наследство предысторических времен и новый пример религиозного консерватизма, который является общим для всех эпох».]

С

Примечания

1

Серрапион – афинский поэт, фигурирует в «Застольных вопросах» и в диалоге «О том, что пифия более не прорицает стихами»; в последнем он показан как сочинитель морализа-торско – философских поэм и как защитник истинности предсказаний против скептицизма. Строгость его литературного вкуса, вера в Провидение, суровость морали и рассуждения о значении для солнца влажного элемента дают основание слушателям заподозрить Серрапиона в стоицизме.

2

Дикеарх из Мессены (347–287 гг. до н. э.) – ученик Аристотеля, получивший у римских писателей эпитет «ученейшего». Его сочинения – «Жизнь Эллады», «Жизнеописания философов», «О Гомере», «О поэте Алкее», «Объяснения сюжетов у Софокла и Еврипида» и другие; от них сохранились лишь незначительные фрагменты.

3

Еврипид провел при дворе македонского царя Архелая два последних года жизни (408–406 гг. до н. э.).

4

Друзья в Афинах, где Плутарх в молодости изучал философию под руководством

5

Ср. Dem., II: Плутарх расхваливает удобства, которые предоставляет для писательской деятельности большой город.

6

Все участники диалога – исторические лица, не раз встречающиеся в сочинениях Плутарха. Аммоний, приобщивший Плутарха к философии Платона, выведен в «Застольных вопросах» и в трактате «Об исчезновении оракулов». В нашем диалоге он ведет себя как руководитель беседы, к которому молодые люди относятся с большим уважением и даже восхищением. Его особая роль в дискуссии выпукло подчеркнута уже вначале; мнение Аммония о значении эпитетов Аполлона вызывает общее одобрение и показывает Аммония знатоком дельфийского культа. Его заключительную речь – вершину теолого-философской мысли трактата – слушают с особой почтительностью.

7

«Пифиец» Аммоний производит от греческого «спрашивать»; «Делиец» от греческого «ясный»; «Фанес» от греческого «светить», «Исмений» от греческого «знать»; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греческого «место бесед».

8

В дельфийском храме Аполлона стояли жертвенник Посейдона, статуи Мойр, Зевса и Аполлона Мойрагетов и священный очаг, в котором поддерживался вечный огонь; здесь, по-видимому, пифия совершала окуривание лавром и ячменной мукой (De Pyth. orac). Аавр – дерево, посвященное Аполлону: по преданию, первый храм его в Дельфах был построен из лавра; пифия, сидя на треножнике в лавровом венке, жевала лавровые листья; рядом с треножником во внутреннем святилище находились золотая статуя Аполлона, пуп земли и священный лавр, по шелесту листьев которого гадали.

9

О запрещении женщинам вопрошать оракул – Eurip., Ion. 222 сл.

10

По преданию эти изречения были записаны в Дельфах древними мудрецами (Paus., X, 24, 1).

11

Плутарх неоднократно выводит в «Моралиях» своих родственников и друзей. Его брат Ламприй – действующее лицо трактатов «Об исчезновении оракулов» и «Беседа о лике, видимом на луне»; в нашем диалоге он еще юноша, предлагающий с поспешностью наивное объяснение «Е», которое вызывает у Аммония усмешку.

12

По поводу признания солнца вторым по значению созвездием (небесным телом) после луны Р. Фласельер пишет: «Хотя халдейские астрономы знали, конечно, преобладающую роль солнца в планетной системе, они отдавали первое место луне не только потому, что она наибольшим образом влияет на нашу планету и имеет главное значение в магических волшебствах; нужно еще вспомнить, что календарь древних сообразовывался, в основном, с луной и что некоторые восточные космогонии считают богиню луны более важной, чем солнца».

13

Никандр назван ;, то же, что и – пожизненный жрец. При дельфийском храме состояли два ;, излагавшие и объяснявшие изречения пифии, пять – «чистых», руководящих верующими при обращении к оракулу, и экскурсоводы ;, показывающие посетителям священные памятники Дельф.

14

Все вопросы, кроме первого, приведенные Никандром, касаются мелких частных дел. Плутарх объясняет это установлением прочного мира, который избавил народы и города от тяжелых бедствий – войн, переселений, мятежей, тираний, поэтому теперь обращаются к богу по поводу лишь семейных и вообще личных проблем. (De Pyth. orac. XXIII, 408 В–С; ср. также De def. orac. 413 В).

15

Поскольку в следующей главе за диалектику вступает друг Плутарха Теон, который защищает ее с позиций стоицизма, то, по-видимому, под «диалектиками» Никандр подразумевает в первую очередь стоиков. Стоики впервые разделили философию на физику, пику, логику. Логика распадалась на диалектику (учение о рассуждениях в форме вопросов и ответов) и риторику (учение о рассуждениях в форме непрерывной речи); диалектика состояла из учения о словесных выражениях и о том, что они обозначают и выражают.

16

Никандр хочет сказать, что ; в просьбах употребляется особенно часто с энклитической частицей означает «О, если бы только», хотя, по его мнению, частица в этом сочетании не обязательна, так же как и употребление (уже безотносительно к) частицы – «конечно».

17

Теон, как и все другие персонажи диалога, лицо реальное: его знает Серапион, он входит в число юношей, мнения которых Аммония не считает нужным серьезно опровергать. Это же имя носят персонажи трактатов: «Беседа о лике, видимом на луне» (по происхождению египтянин), «Невозможно жить счастливо по учению Эпикура» (по-видимому, житель Фокиды), «Застольные вопросы» и «О том, что пифия более не прорицает стихами». Тожественны ли друг другу все плутарховские Теоны, установить не удастся. Предполагают, что Теон родился в Египте, но получил права гражданства в Фокиде; александрийского грамматика Теона («Беседа о лике...») пытаются идентифицировать с Теоном из диалога «О том что пифия более не прорицает стихами» – авторитетным знатоком дельфийских памятников, которому принадлежат самые глубокие мысли трактата. Теон защищает диалектику с позиций стоицизма, утверждая, что Аполлон в большой степени сам является диалектиком, так как его прорицания основаны на знании причинно-следственной связи явлений, которая выражается в предложении

Плутарх О Е в Дельфах filosoff.org
союзом еі. По учению стоиков, «божество и судьба составляют одно целое. Но божество это, прежде всего, совершенный разум, значит, оно разумно управляет эволюцией Вселенной, оно есть Провидение. Таким образом, всякое явление есть плод божественной и разумной воли, закон Вселенной» (А. Vodson. *La morale sociale des derniers stoiciens*. Seneque. Epictete et M. Aurele. P., 1967, p. 34).

18

Об этом подробнее см. Plut., *De gen. Socr.* VII.

19

Нот., II, I, 70: относится к прорицателю Калханту.

20

Евстрофий, выведенный также в «Застольных вопросах», выражает точку зрения пифагорейцев.

21

Букв.: «чуть ли не надев шкуру льва», т. е. подобно Гераклу.

22

Ср. *De Is. et Os.*

23

Diels, I, p. 95, fr. 9.

24

Дионис, по преданию, был погребен в Дельфах после убийства его титанами, и его гробницу показывали в $\alpha\beta\gamma\delta\epsilon\zeta\eta\theta\iota\kappa\lambda\mu\nu\pi\rho\sigma\tau\upsilon\phi\chi\psi\omega\pi\rho\sigma\tau\upsilon\phi\chi\psi\omega$ храма Аполлона. В честь его через каждые два года совершалось празднество, при котором $\sigma\tau\upsilon\phi\chi\psi\omega$ устраивали жертвоприношение в святилище Аполлона, а дельфийские и аттические женщины выходили с факелами на Парнас и здесь в вакхическом экстазе совершали оргии в честь Диониса, которого при этом называли «» (см. *De Is. et Os.*).

25

Учение Гераклита об огне как первоначальной стихии, которая, превращаясь в другие стихии, рождает мир, и о периодическом возгорании космоса было воспринято стоиками. Но, в отличие от Гераклита, для них «первоогонь был уже не просто слепой силой, но художественно-творческим огнем, разумно создающим мир и управляющим им, он является здесь Провидением – термин, впервые получивший такое значение» (А. Ф. Лосев, *Стоицизм, «Философская энциклопедия»*, М., 1970, т. 5, стр. 136).

26

Этимология имени Аполлона производится от – «отсутствие множественности»; отчистившись от убийства Пифона, Аполлон принял имя Феба – «чистого».

27

По учению стоиков, мир – это огромное живое тело, душа которого есть творческий огонь, или теплое дыхание. Пневма вечна, обладает внутренней энергией и спонтанным движением; она – единственный источник жизни психической и физической во всех ее проявлениях, причина и создатель вселенной. В начале бесконечной пустоты существует один огонь; он, частично уплотняясь, превращается в воздух, часть воздуха переходит в воду, часть воды в землю и т.д.; воздух и огонь соединяются, и пламенное дыхание проходит через воду. Воздух и огонь – мужской элемент, вода – женский. Так зарождается эмбрион мира. Пневма – божественное дыхание – первопричина мира, она пронизывает материю всецело, подобно меду, распространяющемуся в сотах воска, и путем изменения своего напряжения создает многообразие мира. Так объясняют стоики наличие четырех царств природы: на самой низкой ступени пневма производит простую плотность тела – минеральный мир; к плотности добавляется спонтанный рост – растительный мир; в некоторых существах пневма создает ощущение и порыв движения, или инстинктивную тенденцию к действию, – животный мир; и, наконец, на самой высшей ступени пневма становится разумом или разумной душой, – человеческий мир (см. Bodson, ук. соч., стр. 27–34). «Что же касается конца эволюции, – пишет Бодсон, – то стоики приняли идею, которая не была новой в греческой мысли – о вечном возвращении; постоянное становление вселенной рисуется большими кругами, в пределах которых огонь поглощает все, что он создал, и дает рождение новому зародышу, точке отправления и движущемуся элементу новой эры, аналогичной предшествующим и последующим за ней... Многочисленные функции божества придают ему различные названия. Это Зевс ;, к которому обращается Клеанф, затем Мир, Небо, Гегемон мира, Вселенной, Судьба, Провидение, Мировой закон, Природа, Зевс. Это разнообразие позволило монотеистам стоикам сохранить формально политеизм народной религии: боги – только персонификации многочисленных функций высшего бога». Миф о божественном ребенке Дионисе-Загрее, который был растерзан титанами на Крите, а затем воскрешен Зевсом и поставлен им управлять миром – находится в центре орфической теогонии. Поэтому под «исследователями природы божества» Плутарх понимает не только стоиков, но и орфиков; прозвище «Никтелий» – «ночной» объясняется тем, что дионисийские оргии справлялись ночью; «Исодет» – «равномерно разделяющий» имеет связь с т.н. разделением универсальной основы на различные части мира, что символизирует расчленение Диониса.

28

Стих анонимного лирического поэта.

29

Фласельер делает ссылку на Гераклита: «Гераклит называет это нуждой и пресыщением. Нужда же есть упорядочение, согласно ему, а возгорание – пресыщение».

30

Plato, Tim. 31 A, 55 C–D.

31

Arist., De caelo I, 8 сл.

32

Plato, Tim. 53 C–55.

33

Horn., II, XV, 187–193.

34

Ср. De def. orac. X, 45 B: разделение существ на четыре вида приписывается Гесиоду.

35

Plato, Crat. 409 A.

36

Plato, Soph. 254 B–256 D.

37

Plato, Phileb. 23 C.

38

Plato, Phileb. 66 A–C.

39

Plato, Phileb. 66 C.

40

Начало стиха неизвестной орфической песни.

41

Аммоний – философ Академии, где, как известно, особое значение предавалось занятиям математикой.

42

Слова Симонида.

43

Источник этой фразы мы находим в «Хармиде» Платона, 164 E-D: там Критий говорит, что дельфийская надпись «Познай самого себя» – это приветствие, с которым бог обращается к пришедшим в его храм вместо обычного приветствия, так как при встрече нужно не ободрять друг друга, а призывать к мудрости.

44

Глагольная форма «Е» (долгое закрытое «ε»), которое позднее писалось »).

45

Об этимологии имени Аполлона см. выше; «Иэй» – поставлено в связь с эпической формой ;, соответствующей ;, – «один», «одна».

46

Horn., II, IV, 141.

47

Идентификация Аполлона и солнца получила во времена Плутарха всеобщее распространение. В этом надо видеть влияние не только халдейской астрономии, но и стоического учения, которое давало народной вере натуралистические интерпретации.

48

Аммоний развивает платоновскую концепцию, основанную на полном разрыве между духовной и материальной сферами: поэтому Аполлон не может быть идентичен материальному светилу. Но как Аполлон – высшая сверхчувственная идея в идеальном мире, так солнце – главное в мире тел, и поэтому оно может быть материальным символом духовной реальности Аполлона, но не тождественно ему.

49

Нот., и. XV, 369 сл.

50

Разрыв между идеальным и материальным заставляет вводить посредников между ними – демонов – для объяснения действия Провидения на материальный мир.

51

Аполлон – «Единый», Плутон – «Множественный», Делий – «Ясный», Аидоней (или Аид) – «Подземный», Феб – «Светлый», «Чистый», Скотий – «Темный».

52

Феорий – «Созерцатель»; Фанес – «Светоносный». Далее стих неизвестного автора.

53

Нош., II, IX, 159.

54

Suppl. 975–977.

55

Набла – род струнного инструмента.

56

Остается неизвестным, как думает Фласельер, разделял ли автор точку зрения Аммония – глагольная форма «ты еси») или считал вопрос о «Е» вообще неразрешимым (вроде задачи об увеличении вдвое делосского алтаря) и видел смысл беседы только в пробуждении самого желания поиска, который остановился бы, если бы решение было найдено. Среди выдвинутых современными учеными гипотез о смысле «Е» Фласельер различает две группы. Одни рассматривают «Е» как эквивалент «Иди, входи (в мой храм)» или «он (бог) сказал». Другие основывают интерпретацию только на начертании «Е»: этот знак напоминает им три камня или три столба, установленных на базе и изображающих трех Харит, или знак шумерского происхождения, означающий дом, храм или ключ в замке. Наиболее интересна попытка трактовать «Е» как знак минойского происхождения, который встречается на критских геммах и, быть может, является символом божества; по-видимому, изображение этого знака было привезено с Крита в Дельфы в то же самое время, что и земной пуп – атрибут великой богини. Когда оракул, ранее принадлежавший Земле, переходит к Аполлону, ему приписывают священный символ богини. Символический знак, выгравированный на изображениях земного пупа (найденных в Дельфах), позднее идентифицируется с буквой «Е», на которую он был похож. Так минойский символ становится атрибутом Аполлона и почитается в Дельфах в течение всей античности. «Греки исторической эпохи, – заключает Фласельер, – потеряли всякое воспоминание о его происхождении и значении, для них это была священная буква Аполлона. Таким образом, дельфийского храма есть наследство предысторических времен и новый пример религиозного консерватизма, который является общим для всех эпох».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!